

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

ЖЕРТВЕННИК ГЕРАКЛУ ИЗ т. н. СТРАБОНОВСКОГО
ХЕРСОНЕСА

По указанию Бертъе-Делагарда, в 1890 г. Косцюшко-Валюжинич предпринял раскопки на перешейке Маячного полуострова в т. н. Страбоновском Херсонесе. Раскопки полностью подтвердили мнение Бертъе-Делагарда о существовании города в указанном месте¹. Во время раскопок на острове в Казачьей бухте среди других памятников была найдена мраморная плита с рельефным изображением. Последнее истолковывалось самым различным образом. В изображении усматривали всадников-варваров, людей (скифов), лошадей и собак. В инвентарной книге ГХМ памятник имеет следующее описание: „Плита мраморная с отбитым одним концом. На малом крае следы орнамента“². В 1939 г. плита была обнаружена в фондах Херсонесского музея и после удаления покрывающего ее известкового раствора дала ясное изображение.

Памятник представляет собой значительный фрагмент плоской плиты жертвенника, посвященного Гераклу, с барельефным изображением на боковой узкой стороне. Наибольшая длина—0,8 м, наибольшая ширина—0,47 м, толщина—0,09 м. Выпуклость барельефа—0,5 см, местами уменьшается до 0,3—0,2 см. Материал—белый среднезернистый слоистый мрамор.

Плита была разбита еще в древности и неоднократно использовалась как строительный камень в монастыре св. Климента, на островке в Казачьей бухте. В последний раз она была вложена в стену, где и была обнаружена раскопками. Об этом свидетельствуют следы извести на всех сторонах плиты. До этого она продолжительное время служила порогом какого-то помещения, что можно заключить по характерной и значительной потертости ее верхней стороны у одного края. В сохранившихся местах на первоначальной поверхности жертвенника наблюдаются явные следы сильного воздействия огня. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что сооружение, в котором находился жертвенник, погибло от пожара.

Нижняя сторона жертвенника довольно тщательно выровнена и имеет ясные следы зубила. Верхняя сторона обрамлена по краю двойной рельефной кромкой, шириной в 6 см. Наружная кромка в виде полувалика, шириной 2 см, более выпуклая, чем внутренняя,

¹ ОАК за 1890, Спб, 1893 г., стр. 36—39; К. К. Косцюшко-Валюжинич. Важное археологическое открытие в Крыму, ИТУАК № 13, 1891, Симферополь, стр. 55—61. А. Л. Бертъе-Делагард. Раскопки Херсонеса МАР № 12, СПб, 8/3, стр. 55—64.

² ОАК за 1890 г., Спб, 1893, стр. 36, Бертъе-Делагард, там же, стр. 64; Косцюшко-Валюжинич, рукописные отчеты; Архив Гос Херсонесского Музея, дело № 1, Архив ИИМК, дело № 26 за 1890 г. Инвентарная книга ГХМ № 45/8.

Рис. 1. Барельеф на боковой стороне жертвенника с изображением усмирения кобылиц Диомеда (слева) и отдыхающим Гераклом (справа).

сохранилась с правой стороны и частично с задней, где она стерта ногами во время использования плиты для порога. Левая сторона наискось обломана после упомянутого использования и не обработана. Лицевая сторона обрублена и грубо подтесана, повидимому, при закладке плиты в порог. Задняя сторона сохранила свою первоначальную поверхность. Она небрежно выровнена и у правого края имеет паз для шипа, при помощи которого вся плита прикреплялась к стене сооружения. О первоначальном происхождении этого паза, возможно, свидетельствуют те же следы воздействия огня на мрамор. Наконец, на правой стороне, по ее узкому ребру, находится рельефное изображение (рис. 1).

Барельеф сверху и снизу по краям плиты окаймлен узкой рельефной рамкой 0,8 см ширины. Верхняя рамка оббита. Изображение представляет отдыхающего Геракла и один из его подвигов. С правой стороны композиции изображен отдыхающий Геракл. Он возлежит на левом боку, опираясь левой рукой о скалу. Правая нога полусогнута в колене и свободно лежит на левой. В правой руке Геракл держит навесу палицу. Вся верхняя часть его фигуры откололась, однако скол настолько тонкий, что позволяет свободно установить общие пропорции тела, положение фигуры, правой руки и головы.

Слева от отдыхающего Геракла изображен один из его подвигов — борьба с кобылицами Диомеда. Геракл показан в фас, стоящим на левом колене. Правая нога вытянута вправо. Левая рука отстранена немного от туловища. Правой рукой он замахивается на кобылицу, упавшую перед ним на колени передних ног. Несмотря на потертость, можно установить, что голова Геракла с широкой окладистой бородой и гу-

стой шапкой волос дана в фас. В правой руке Геракл держит предмет, конец которого свесился и слился с головой, создавая впечатление остроконечного головного убора. Однако, асимметричное расположение выступа, образовавшегося над головой, при строгой фронтальности всей фигуры противоречит этому впечатлению

Косцюшко-Валюжинича. В руке Геракл держит плеть на короткой рукоятке, а не палицу. Об этом говорит как форма самого предмета, так и паличие палицы в числе атрибутов, изображенных с правой стороны героя. Свесившийся конец плети создает впечатление остроконечного головного убора. Впечатление это усиливается вследствие сильной изношенности и затертости изображения. Подобная плеть изображена на медальоне из Неаполя, где изумительно хорошо и реалистично выполнена группа: провинившийся младенец Дионис перед сидящим с плетью в руке Силеном¹. Еще важнее паличие подобной же плети в руке Геракла, усмиряющего кобылиц Диомеда, в изображении на постаменте бронзовой статуэтки Геракла-младенца со змеями в руках². Кобылица изображена головой вправо и стоит на коленях перед Гераклом. На барельефе—это лучшее по своей сохранности изображение (отбита только нижняя часть задних ног и хвост). Хорошо переданы гладкие и упитанные формы сильного тела, отчетливо выражены копыто и бабка передней ноги, коротко подстриженная грива и маленькие уши. Мускулатура передана мягко, линии тела округлы и пластичны. Направо от описанной композиции изображены лук и палица—атрибуты, принадлежащие борющемуся Гераклу. Сюжет композиции настолько ясен, что не оставляет никакого сомнения относительно его содержания.

Мы имеем „новый“ памятник с изображением подвигов Геракла, памятник, от которого сохранилась только незначительная часть. Перед нами—верхняя плита жертвенника прямоугольной формы, сверху, по краю, обрамленная двойной рельефной кромкой. С трех сторон, по боковым узким сторонам, жертвенник был украшен изображениями подвигов Геракла. Четвертой, длинной стороной он укреплялся в стене сооружения, о назначении которого мы будем говорить ниже. Несмотря на сильную поврежденность, памятник можно сравнить с другими и провести стилистический анализ.

Среди античных памятников, помимо описываемого, нами прослежено 22 изображения отдыхающего Геракла. По своей композиции они очень близки друг к другу. Во всех случаях, кроме двух³, Геракл лежит на левом боку, опираясь на левую руку, с подогнутой левой ногой под правую—поза наиболее привычная и удобная для человека, возлежащего за столом, и, естественно, воспринятая художниками при изображении отдыхающего Геракла. Однако, при сходстве основы композиции, данный памятник отличается от остальных. Ни на одном из них мы не наблюдаем, чтобы Геракл держал палицу навесу.

Несмотря на сильное повреждение, достаточно отчетливо проступает пластическое выполнение свободно возлежащей фигуры Геракла. На сохранившейся части изображения обращает на себя внимание длинная ступня с подчеркнутой нижней линией (к сожалению, на фотоснимке ступня плохо передана). Подобное выполнение наиболее характерно для ранних памятников греческой скульптуры и стилистически уводит в архаику⁴. В V в. эта черта смягчается, и стилистически ступня на описываемом изображении приближается к памят-

¹ S. Reinach *Répertoire de Reliefs etc.*, Paris, 1912, t. III, p. 66, f. 5.

² *Raccolta de più belli ed interessanti Dipinti, Musei ed altri monumenti etc.*, Napoli, 1871, таблица 34.

³ *Jahr. A. I*, 1933, В. 48, Н. 1—2, s. 87; S. Reinach, *ib.* Paris, 1912, t. II, p. 477, f. I. В этих случаях Геракл изображен влево, на правом боку.

⁴ S. Reinach, *ib.* Paris. 1909, t. I, p. 123. Сокровищница афинян в Дельфах. J. Overbeck, *Gesch. d. griech. Plas.*, В I⁴, Leipzig, 1894, S. 223—архаические рельефы со Фасоса. Они же и еще один у S. Reinach'a, *ib.*, стр. 426.

никам этого времени¹. Подобная же манера выполнения ступни наблюдается в вазовой живописи². Вторая композиция—борьба Геракла с кобылицами Диомеда—близкой аналогии не имеет. Чтобы не измелчить изображений, художник, ограниченный узким пространством боковой стороны плиты жертвенника, поступил очень продуманно. Лошадь и Геракла он поставил на колени и тем сохранил единые размеры изображений на всем памятнике. К сожалению, сильная потертость, воздействие огня и трещины, пересекающие изображение, не позволяют произвести анализ деталей и заставляют ограничиться только общими контурами и пропорциями фигур. Фигуры Геракла и лошади переданы пластично и округло. Особенно хорошо это видно в фигуре лошади, вследствие лучшей ее сохранности. Однако, в изображении Геракла еще сквозит некоторая угловатость. Обращает на себя внимание его фронтальное расположение, строгая вытянутость правой ноги, граничащая со схематизмом. И все же, несмотря на указанные черты, присущие более ранним памятникам греческой скульптуры, основным содержанием фигуры борющегося Геракла является „спокойная простота и безмолвное величие“, черты, присущие памятникам лучшей поры греческого искусства.

Что касается лошади, то ей присущи те же черты, что и обеим фигурам Геракла: пластичность, округленность форм, хорошие пропорции и четкость в передаче отдельных частей тела. Несмотря на покорность и спокойствие, выраженные в постановке фигуры, лошадь полна кипучей, дикой силы, уступающей только силе Геракла. Это хорошо подчеркнуто угрожающим и предостерегающим жестом Геракла в ее сторону. Стилистически лошадь имеет многочисленные аналогии среди памятников V—IV вв.³ Особенно близка к ней лошадь с надгробного памятника Дексилая⁴ и лошади базы надгробной стелы, найденной в Афинах в 1931 г.⁵ Первый памятник датируется началом IV в. (394 г.)⁶, второй—синхроничен первому.

Вся композиция нашего памятника дышит спокойствием и той подкупающей простотой, которые так характерны для греческого искусства лучшей его поры и которые так хорошо подмечены А. М. Горьким⁷.

Мы имеем на сохранившейся части памятника завершение всей композиции изображения подвигов Геракла. Разместив отдыхающего Геракла в правом углу, художник не только отмечает заслуженный отдых после многочисленных трудов, но и удачно заканчивает всю композицию. Подобное расположение возлежащих или отдыхающих

¹ О. Ф. Вальдгауер Эрмитаж, античная скульптура и вазы. См. прил. изображения в Ом также любой альбом с вазовой живописью.

² J. Overbeck. Там же, главы, посвященные рельефам храма Зевса в Олимпии, Парфенона и примыкающим к нему памятникам, храмовым фризам Фигалли и т. д. M. Collignon, G.-sch. d. griech. Plis. I и II том, Strassburg, 1897—1898, главы, посвященные этим памятникам. Любое другое издание.

³ M. Collignon. Там же, т. II, стр. 201, 203, 239, 242, главы, посвященные Парфенону, храму Тесея, Ники. R. Kekule v. Stradonitz, Die Griech. Skulpt., Hand. d. Staat. Mus. zu Berlin. Dritte Auflage, ss. 112, 167, 303 etc. G. Rodenwald, Relief b. d. Griechen. Taf. 34—37, 46, 47, 86, 106. W. H. Schuchhardt. Die Friese d. Nereiden—Monumentes. A. M., 1927, B. LII, ss. 94—161. G. Karo, Archäologische Funde vom Sommer 1930 bis Juni 1931. Arch. Anz., 1931, I/II, ss. 218—222. H. Speier, Zweifiguren-Gruppen in fünften u. vierten Jahrhundert vor Christus. R. M. 1932, B. 47, 1—2, ss. 1—94, Taf. 19/I.

⁴ Collignon, ib., B. II, s. 201, fig. 81. H. Speier, ib., R. M., 1923, B. 47, 1—2, taf. 19/I.

⁵ G. Karo, ib., Arch. Anz., 1931. I/II, ss. 218—222, fig. 1—3.

⁶ H. Speier, ib. s. 91.

⁷ М. Горький. Херсонес Таврический. «Исторический журнал», 1938, 3, стр. 45.

фигур по краям композиции можно указать на фронтонах храмов, на боковой стороне крышки саркофага с подвигами Геракла, где изображен либо отдыхающий, либо сидящий герой и около него — Ника и Афина¹, на боковой стороне крышки саркофага с подвигами Геракла, где начало и конец композиции завершены возлежащими фигу-

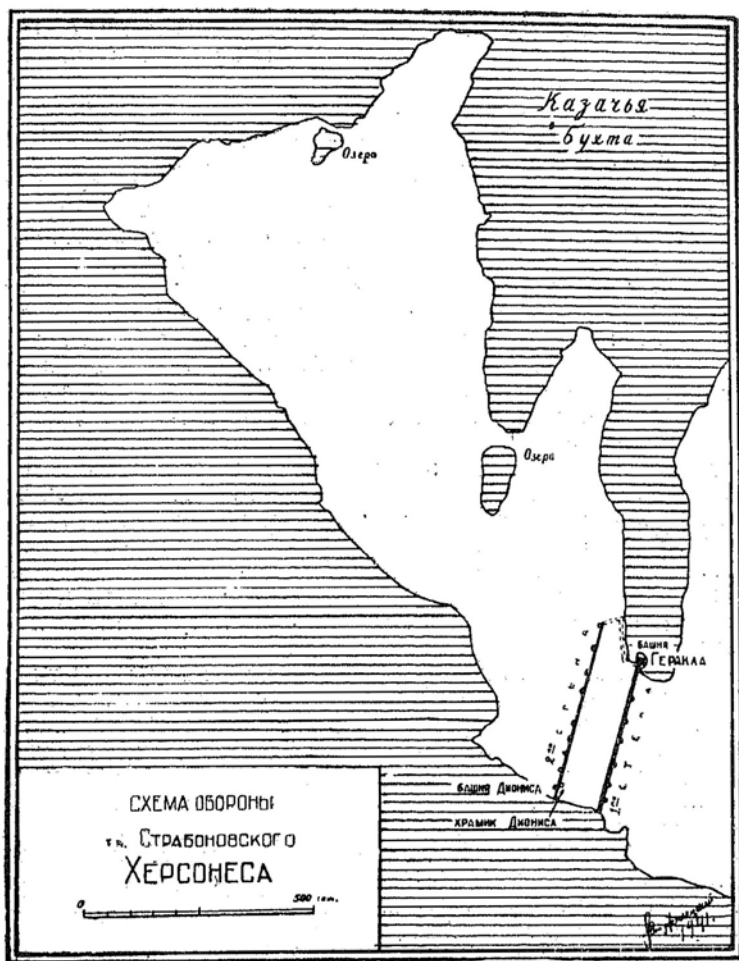

Рис. 2.

рами, одна из которых изображает Геракла². Таким образом, и этот вывод подкрепляет наше положение о типе жертвенника. На основе стилистического анализа мы считаем возможным датировать жертвенник последней четвертью V века и не позже первого десятилетия IV века

¹ S. Reinach, ib. Paris, 1912, t. II, p. 475/1.

² Там же, Paris, 1912, т. III, стр. 342. Оба саркофага издавалъ Robert'ом в его работе „Die antiken Sarkophagreliefs“.

до н. э. В пользу V века свидетельствует целый ряд указанных выше архаизирующих признаков. Судя по выполнению, рельеф является созданием рук хорошего мастера, несомненно, знакомого с лучшими произведениями своей эпохи.

Вернемся теперь к археологической ситуации, сопровождавшей описываемый жертвенник. Последний был найден в средневековом монастыре и использован как строительный материал. Косцюшко-Валюжинич считал, что все мраморы были занесены сюда „из соседних развалин древнегреческого поселения“¹. Однако, сам монастырь построен на развалинах древнегреческой правофланговой башни оборонительных стен т. н. Страбоновского Херсонеса.

Одновременно, по указанию Бертье-Делагарда, велась раскопки по соседству с островком. Раскопками обнаружены две боевые стены, жилые помещения и храмик, посвященный Дионису. Прилагаем схему обороны этого поселения (см. рис. 2), восстановленную на основании описания и цифровых данных в архивных отчетах Косцюшко-Валюжинича², сверенных с планом, изданным Печенкиным³. Храмик Диониса непосредственно примыкает к первой башне (счет со стороны открытого моря) второй оборонительной стены и связан с нею (см. рис. 3). В храмике найден жертвенник, верхняя плита которого имела надпись по узкому ее ребру—ΔΙ—ΝΥΣΙ—. Позади жертвенника—пьедестал для несохранившейся статуэтки бога Диониса. Перед жертвенником—очаг, несомненно, культового назначения, из плит, поставленных на ребро⁴.

Подобный очажок найден в одной из башен этой же стены и в жилом доме⁵. Кроме того, во второй башне этой же стены „в нише, иссеченной в скале, две плиты, поставленные на ребро, покрыты третьей“⁶. Таким образом, мы имеем в одной из башен остаток жертвенника, в другой—культовый очаг; первая башня имела связанный с нею храмик с жертвенником, культовым очагом и пьедесталом для статуэтки бога. Это наводит на вопрос о том, не имели ли подобных жертвенников и остальные башни?

Прежде чем ответить на него, вернемся к храмику, его датировке и датировке раскопанных сооружений. Косцюшко-Валюжинич называет храмик „походным“, „убогим“⁷, „весьма жалким“⁸, но нигде не дает прямой датировки. Бертье-Делагард, характеризую этот храмик в выражениях, обычных для определения памятников Херсонеса, говорит: „...он, конечно, позднейший, вероятно, сделанный какой-нибудь деревенщиной, уже после запустения города...“⁹. Как видно, высказывание его достаточно неопределенно в отношении датировки. В следующей работе, изданной через 14 лет, это „запустение города“ датируется им не раньше I в. до н. э.¹⁰ Несколькo определеннее датировка посвячительной надписи на жертвеннике. В. В. Латышев

¹ Архив ГХМ, дело № 1. Отчет. Архив ИИМК, дело № 26, 1890 г. То же самое.

² Там же.

³ Н. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского Херсонеса ИАК, в. 42, СПб, 1911, стр. 108—126.

⁴ Подробное описание см. в работах и рукописях, указанных в начале статьи

⁵ ОАК за 1890, СПб, 1893, стр. 38.

⁶ Архив ГХМ, дело № 1.

⁷ ИТУАК, № 13, Симферополь, 1891, стр. 60.

⁸ Архив ГХМ, дело № 1.

⁹ МАР, № 12, СПб, 1893, стр. 57.

¹⁰ ИАК, в. 21. СПб, 1907, стр. 207.

датирует ее римским временем, однако, дважды оговаривается:— „Litterarum formae, si quidem recte eas Kosciuszko excerptit, Romanam produnt aetatem“¹ и выше, объясняя причину позднего опубликования ее, говорит, что, когда он специально приезжал в Херсонесский музей в 1899 и 1902 гг. для проверки надписей, он этой надписи не видел². Из архивного отчета мы узнаем, что постамент и жертвенник с надписью, оставленные на месте³, там и погибли. Вследствие

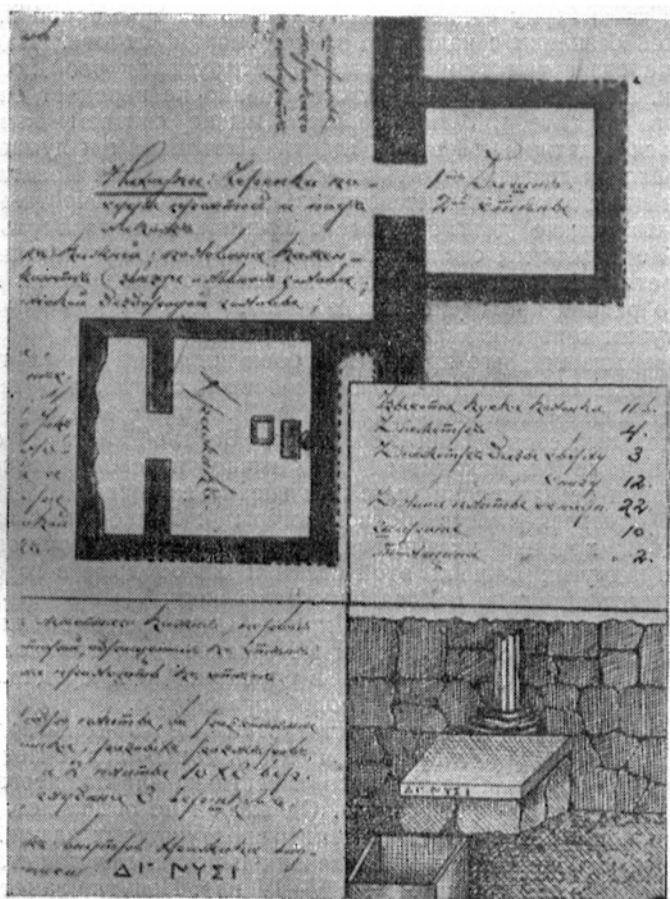

Рис. 3. План храмика и вид его жертвенника. (Репродукция из рукописного отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича 1889 г.).

этого Латышев вынужден был удовлетвориться той записью Косцюшко-Валюжинича, которую нашел в отчете архива Археологической комиссии.

На основании проверки мы утверждаем, что Латышев был введен в заблуждение этой записью. Нами просмотрен целый ряд надписей,

¹ Ios PE, I², № 706.

² Там же.

³ Архив ГХМ, дело № 1,

начертанных Косцюшко-Валюжиничем в его рукописных отчетах и описях материала, и установлена условность греческого шрифта, которым он писал. Надписи, начиная с IV века до н. э. и кончая позднеримскими, передаются одним шрифтом¹. Более того, надписи клейм на амфорных ручках, независимо от происхождения амфор, тоже переданы тем же шрифтом, что и надписи на памятниках. Однако, всем известно значительное, а иногда и очень большое различие в шрифтах родосских, синопских, херсонесских и т. п. ручек². Наконец, на выборку сопоставлена надпись на мраморной плите из Уваровской базилики с надписью в рукописном отчете. Надпись в отчете³ передана тем же шрифтом, но датируется первой половиной II в. до н. э., и, конечно, шрифт совершенно не передает ее действительного характера. Таким образом, мы не считаем возможным согласиться с датировкой этой надписи Латышевым и думаем, что не случайно он дважды оговаривается при ее издании. Полагаем, что при этой датировке Латышев исходил не только из начертания букв, но учитывал также датировку всего храма, данную Бертье-Делагардом; последняя же сделана на основе общего впечатления, а не на конкретном исследовании. В действительности все факты говорят как раз о раннем происхождении храма.

Приступим теперь к анализу этих фактов.

1. Утверждается, что храм построен после запустения города⁴. В действительности же храм связан с боевой стеной, что видно из плана Косцюшко-Валюжинича (см. рис. 3). Эту стену, как и все оборонительные сооружения поселения, Бертье-Делагард считает древней и даже не находит ей аналогичной в новом Херсонесе⁵. В отношении ее датировки мы с ним вполне согласны.

2. На одновременность боевой стены с башней и связанного с последней храма указывает находка таких же культовых памятников в других башнях этой стены и жилом доме в городе. На это обращает внимание и Косцюшко-Валюжинич⁶.

3. Характер кладки стен этого храма (нечто вроде „полигональной“ кладки) (см. рис. 3), известен в Херсонесе для стен конца IV в. и самого начала III в. до н. э. Ни в римском, ни в средневековом периоде мы не знаем ни одного подобного случая.

4. Базу и колонну пьедестала статуэтки Бертье-Делагард датирует как очень ранние⁷. Тут же он очень тонко подмечает, что и одна и другая сделаны из местного известняка — черта, характерная для ранних памятников Херсонеса. Однако, он не объясняет, на каком основании он их считает взятыми из разрушенных зданий. Больше того, по своему стилю и жертвенник и постамент для статуэтки имеют многочисленные аналогии в V—IV вв.⁸. Попутно заметим, что у пьедестала недостает капители — базы статуэтки.

5. Возникает вопрос, как могло случиться, что в храме, который так хорошо сохранился и которым, несомненно, пользовались, не найдено никаких признаков вещей, относящихся к римскому времени.

¹ Архив ГХМ, дело № 17, 18, 19 и др.

² Там же, дело № 35 и др.

³ Там же, дело № 19; *Ios PE I* № 414; *МАР*, № 9, СПб, 1892, стр. 25—26.

⁴ *МАР* № 12, СПб, 1893, стр. 57.

⁵ *ИАК*, в. 21, СПб, 1907, стр. 195.

⁶ См. выше, стр. 102 настоящего сборника.

⁷ *МАР*, № 12, СПб, 1893, стр. 57.

⁸ *S. Reinach. Répertoire des Vases etc.*, t. I, Paris, 1930, p. 358; t. II, Paris, 1931, p. p. 180, 286, 287. Количество аналогий может быть значительно увеличено,

Мы полагаем, что случилось это потому, что в римское время он уже не существовал.

6. И, наконец, все находки этой археологической кампании относятся только к эллинистическому периоду. То же относится и к монетам, которые, судя по их описанию, относятся к IV—III вв. до н. э. Это обстоятельство настолько бросилось в глаза, что было отмечено и Косцюшко-Валюжиничем¹, и в печатном отчете², и Бертье-Делагардом³.

Все выше изложенное заставляет нас пересмотреть датировку и считать, что храмик сооружен одновременно с постройкой боевых стен поселения у Казачьей бухты. По строительной технике, стилю всего памятника в целом и его деталей, на основании всей совокупности археологических находок храмик нельзя датировать позже IV в. до н. э.

На вопрос о существовании жертвенников в других башнях считаем возможным ответить утвердительно. Если же это так, то не принадлежит ли наш жертвенник, посвященный Гераклу, левофланговой башне всей оборонительной системы поселения у Камышевой бухты? И дальше. Не назывались ли башни этого поселения именами тех богов, под покровительство которых они были отданы? Зная обычаи, существовавший в древние и средние века, давать названия башням, на последний вопрос, несомненно, можно ответить утвердительно. Больше того, при проверке этого предположения мы сразу же натолкнулись на поразительную аналогию. В Ольвии фланговая башня на берегу Буга называется Геракловой⁴. Можно смело высказаться за то, что и херсонеситы поручили свою наиболее важную башню покровительству своего заступника Геракла, культ которого был так сильно развит в Херсонесе. Не случайно и то, что вторая фланговая башня на другом конце обороны поручена покровительству бога Диониса, культ которого играл очень важную роль в общественной и частной жизни херсонеситов. Об этом свидетельствуют эпиграфические данные, многочисленные памятники искусства и, наконец, виноградарство, как основа всей сельскохозяйственной деятельности античного Херсонеса.

Таким образом, можно почти безошибочно восстановить названия двух башен стен Страбоновского Херсонеса: башни Диониса, с левого фланга, и башни Геракла, с левого же, но передовой стены.

Возвращаясь к жертвеннику Геракла, остается сказать, что он сделан хорошим мастером, который, несомненно, был знаком с лучшими образцами скульптуры и в своем произведении отразил влияние эпохи. Где работал этот мастер, трудно сказать; вполне возможно, что и в Херсонесе. Был ли он сам херсонеситом, установить трудно, ввиду привозного характера материала, из которого сделан жертвенник⁵.

Однако ряд данных скорее свидетельствует о том, что памятник сделан на месте. Специальный характер жертвенника, предназначенного для определенной башни, трехсторонний характер его, связанный с положением в башне, паз на задней стороне

¹ ИТУАК, № 13, Симферополь, 1891, стр. 60—61; Архив ГХМ, дело № 1.

² ОАК за 1890 г., Спб. 1893, стр. 39.

³ МАР, № 12. Спб. 1893, стр. 56—57; ИАК, в. 21, Спб. 1917, стр. 207.

⁴ Ios PE, I, № 179. В. В. Латышев, Ольвия, Спб. 1887, стр. 108 и 109.

⁵ Однако плохое качество мрамора — наличие в нем трещин — скорее позволяет предполагать, что скульптор вынужден был его использовать за неимением другого. В самой Греции при обилии мрамора это маловероятно.

для укрепления в стене—все это как-будто говорит за местное изготовление, но нельзя отрицать, что все это могло быть учтено и при заказе на сторону. Конечно, если бы памятник был плохого исполнения, то „местное, провинциальное“ выполнение было бы очевидно. Поэтому категорически утверждать местное происхождение описываемого памятника мы не можем, но обращаем внимание на тот факт, что Херсонес имел памятники первоклассных художников своего времени. Об этом свидетельствуют эпиграфические данные¹ и фрагменты подобных памятников в фондах музея. Явно тенденциозное мнение Бертье-Делагарда по этому вопросу² еще при его жизни устарело. В настоящее время оно даже не требует возражения. Гораздо важнее то обстоятельство, что в фондах имеются памятники несомненно отличных художников, работавших в Херсонесе на местном известняковом материале. К этим памятникам относятся прекрасные полихромные акротерии, не уступающие аттическим, фрагменты надгробной стелы V—IV вв. с изображением воина с копьем в правой руке, фрагмент сильно поврежденной мужской головы и, наконец, фрагмент эллинистического барельефа с изображением стоящего Геракла, опирающегося правой рукой на палицу. Все эти памятники, отличающиеся высоким мастерством исполнения, позволяют утверждать, что в Херсонесе жили отличные мастера. Предполагают, что эти художники только временно наезжали в Херсонес, но такое предположение нам кажется мало убедительным. Об этом свидетельствуют многочисленные чеканы херсонесских монет, несомненно, изготовлявшихся в Херсонесе и не уступающих лучшим греческим образцам. Это красноречиво говорит о том, что и здесь жили хорошие мастера. Утверждая вышеуказанное, мы вовсе не пытаемся изобразить Херсонес как особый, ведущий центр в общегреческом развитии искусства и в частности скульптуры. Мы утверждаем, что в Херсонесе греческое искусство стояло не ниже, чем в других областях древнего мира, что мастера греческого искусства в Херсонесе были тесно связаны с передовыми школами Греции и отражали их влияние, хотя; повидимому, несколько отставали от ведущих центров, что и отразилось в архаизирующих чертах издаваемого памятника.

Резюмируя изложенное, мы приходили к следующим выводам:

1. На основании стилистического анализа описываемый памятник датируется последней четвертью V в. и не позже первого десятилетия IV в. до н. э. Эта датировка подтверждается совокупностью археологических данных, связанных с жертвенником. Не имея возможности, за отсутствием бесспорных фактов, утверждать местное, т. е. херсонесское происхождение памятника, мы все же считаем весьма вероятным такое предположение на основании целого ряда косвенных данных. Вне зависимости от места производства, этот памятник—несомненно творение хорошего мастера, знакомого с лучшими произведениями своей эпохи.

2. Анализ археологических находок, связанных с оборонительной системой т. н. Страбововского Херсонеса, и сопоставление последней с подобными сооружениями других городов позволяет вскрыть „эпиграфическое“ значение описываемого барельефа и предположительно восстановить название двух башен: башни Геракла и башни Диониса.

¹ В. В. Латышев, МАР, № 9, СПб, 1892, стр. 24—25, № 6; Ios PE, I² № 406 и № 423. См. там же ссылку на Леви.

² А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, в. 21, СПб. 1907, стр. 199—200.